

Саша Черникова

КОЛХОЗНЫЕ

Каникулы

Саша Черникова

Колхозные каникулы

«Автор»

2026

Черникова С.

Колхозные каникулы / С. Черникова — «Автор», 2026

– Вы всегда такой грубый? – спросила я, когда он молча поднял мой чемодан и забросил в свой трактор. – Нет. Иногда ещё хуже. Я приехала в деревню всего на одно лето. Помочь бабушке. Отдохнуть от города. Залечить сердечные раны после болезненного разрыва с женихом. И совсем не планировала влюбиться в молчаливого фермера, который разговаривает с людьми реже, чем со своим трактором. У Александра есть маленький сын, огромное хозяйство и сердце, которое он похоронил вместе с женой. У меня — работа в городе, билет обратно и твёрдое убеждение, что деревенская жизнь не для меня. Но семилетний Илья почему-то решил иначе. Каждый день он придумывает новые способы свести нас вместе, мечтая обрести маму. Только никто не знает, что мальчик до сих пор ждёт женщину, которая уже никогда не вернётся

© Черникова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Варя	5
Глава 2. Варя	8
Глава 3. Варя	11
Глава 4. Саша	14
Глава 5. Саша	17
Глава 6. Саша	20
Глава 7. Варя	23
Глава 8. Варя	25
Глава 9. Варя	28
Глава 10 Варя	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Саша Черникова

Колхозные каникулы

Глава 1. Варя

Автобус сдох за три километра до Берёзок.

Не сломался. Не заглох. Не остановился на минутку подумать о смысле жизни. Именно сдох. С хрипом, сизым облаком из-под капота и таким финальным металлическим стуком, будто внутри у него что-то взорвалось.

Водитель, дядька с лицом человека, который видел всё и уже ничему не удивлялся, вылез наружу, поднял капот и долго смотрел внутрь, почёсывая затылок.

Пассажиры тоже высыпали на дорогу. Их было немного: женщина с клетчатой сумкой, дед в кепке, подросток в наушниках и я. Все молча ждали приговора.

– Ну? – спросила женщина.

Водитель закрыл капот.

– Всё.

– Что всё?

– Приехали.

Я посмотрела на дорогу, уходящую между полями, потом на свой чемодан. Большой. Красивый. С колёсиками, которые идеально катались по плитке вокзала, по гладкому полу аэропорта, по московскому тротуару возле дома. Но сейчас перед ним лежала не городская жизнь, а просёлочная дорога с лужами, пылью, ямами и комьями глины.

Теперь он смотрелся просто нелепо.

– До Берёзок далеко? – спросила я, хотя уже подозревала ответ.

Дед в кепке повернулся ко мне, прищурился и бодро сказал:

– Да тут рукой подать. – Я обрадовалась ровно на секунду, пока он не добавил: – Километра три.

Я медленно выдохнула. Три километра с чемоданом, сумкой через плечо и пакетом с подарками для бабушки Зины. Три километра по дороге, которую явно строили люди, обиженные на человечество.

Прекрасно! Просто офигительно!

Я достала телефон. Связь показала одну палочку, потом подрыгалась и исчезла вовсе.

– Капец, – сказала я вслух.

Женщина с клетчатой сумкой сочувственно посмотрела на мои белые кеды.

– Дочка, ты бы их сняла, что ли.

Идти босиком ради спасения обуви? Нет уж. Ноги мне дороже каких-то там кед.

Я пошла вперёд так уверенно, будто родилась на этой дороге и лично знала каждую кочку. Ещё минуты две надеялась, что сейчас произойдёт чудо: автобус оживёт, рядом притормозит такси, бабушка каким-то образом узнает о моей беде и пришлёт спасательную бригаду с лошадьми, пирожками и переносным интернетом.

Ничего не произошло.

Только ветер прошёлся по полю, пахнул травой, пылью, тёплым железом и чем-то таким летним, забытым, отчего внутри приятно затрепетало, будто я не просто приехала в деревню, а вернулась в беззаботное, счастливое детство.

Я потянула чемодан, он не поехал. Я дёрнула сильнее.

Чемодан жалобно скрипнул и всё-таки двинулся за мной, подпрыгивая на каждой ямке. Через десять минут я уже ненавидела его. Через пятнадцать – себя. Через двадцать – всех про-

изводителей красивых чемоданов, которые никогда не тестировали свои колёсики на сельской дороге после дождя.

Солнце пекло в макушку. Волосы липли к шее. Пакет бил по бедру. Где-то в траве стрекотали кузнечики так громко, будто обсуждали моё унижение всем коллективом.

– Ничего, Варвара, – пробормотала я. – Ты взрослая женщина. Ты справишься. Ты пережила защиту диплома, ремонт в квартире и бывшего жениха с мамой-адвокатом. Три километра тебя не убьют.

На слове "не убьют" колесо чемодана попало в густую глиняную колею и село там намертво.

Я остановилась. Чемодан тоже. Мы смотрели друг на друга. Ну, точнее, я смотрела на него. Он просто стоял.

– Только попробуй, – предупредила я. – Я тебя выброшу на помойку!

Потянула ручку – не помогло. Поставила пакет на землю, упёрлась ногой в край чемодана и дёрнула уже по-настоящему.

Колесо хлюпнуло, чемодан накренился. Я потеряла равновесие, нелепо взмахнула рукой и едва не села прямо в эту самую колею.

– Да чтоб тебя!

И именно в этот момент за спиной послышался низкий, тяжёлый рокот. Я обернулась. По дороге медленно приближался трактор.

Большой. Синий. Пыльный. Важный.

"По полям, по полям. Синий трактор едет к нам..." – заиграло у меня в голове.

За рулём сидел мужчина. Темноволосый, широкоплечий, в выгоревшей рубашке с закатанными рукавами. Лицо загорелое, спокойное до раздражения. Он смотрел вперёд так, будто уже заранее знал: сейчас придётся остановиться, потому что городская идиотка не в состоянии победить свой чемодан.

Трактор действительно затормозил рядом. Мужчина заглушил двигатель, спрыгнул на землю, подошёл ко мне и без приветствия посмотрел на чемодан. Потом на меня. Потом снова на чемодан.

– Застрял, – сообщил он.

Я моргнула.

– Правда? А я думала, он решил тут пустить корни.

Мужчина не улыбнулся. Вообще. Даже уголком губ.

Он просто наклонился, взял чемодан за боковую ручку и выдернул его из грязи одним движением. Без усилия. Будто там был не мой неподъёмный багаж на всё лето, а коробка с ватой.

Я почувствовала себя ещё глупее и беспомощнее.

– Спасибо, – сказала я.

– Не за что.

Он поставил чемодан на более сухое место, вытер ладонь о штаны и повернулся к трактору.

И всё?

Ни "вы откуда", ни "вам помочь", ни "до деревни подвезти", ни хотя бы "живая?". Просто пришёл, выдернул, ушёл.

– Подождите! – не выдержала я.

Он остановился.

– Вы в Берёзки едете?

– В них.

– А можно... – я посмотрела на трактор. На высокую кабину. На своё платье. На кеды, уже не белые. – Можно с вами?

Он секунду молчал. Очень долгую секунду. Настолько долгую, что я успела пожалеть, что спросила.

Потом кивнул:

– Садитесь.

И снова ни одной лишней эмоции.

Подъём в кабину оказался отдельным испытанием. Я полезла первой, стараясь не думать, как выгляжу со стороны. Мужчина без слов подал мне сумку, потом чемодан пристроил сзади, закрепил какой-то верёвкой и сам сел за руль.

Трактор тронулся так резко, словно его ужалили в задницу. Меня швырнуло в сторону, и я, потеряв равновесие, впечаталась в твёрдую, нагретую солнцем грудь мужчины. Мои пальцы сами собой вцепились в его плечи – инстинктивно, отчаянно, как в последнюю спасательную опору.

На секунду я зависла. Пропали звуки, исчезла дорога, исчез даже этот проклятый чемодан, который я тащила через пол-области. Остался только он. Тепло его тела, просачивающееся сквозь тонкую ткань рубашки, и запах. Господи, этот запах...

Глава 2. Варя

Я не знала, что мужчина может так пахнуть. Не парфюмом, не дезодорантом из рекламы. Чистым, резким, терпким ароматом пота, смешанного с соляной, гелем для душа, нагретым металлом и свежей травой. В нём было что-то первобытное, вызывающее головокружение. Я поняла, что с трудом дышу.

Под моими пальцами напряглись мышцы его плеч. Каменные, рельефные, будто выточенные скульптором. И сердцебиение...

Его сердце билось тяжело, медленно, уверенно, как тот самый трактор, на котором мы ехали. Я ощущала вибрацию, идущую от его грудной клетки, и она отзывалась во мне странным, запретным эхом. Моё собственное сердце, словно в ответ, пропустило удар.

Я отскочила от тракториста, будто меня обожгло. Щёки горели огнём. Я чувствовала, как краска заливает лицо, шею, даже кончики ушей. Это было унижительно. Я – взрослая, красивая женщина, привыкшая к мужскому вниманию, – и вдруг веду себя как перепуганная школьница на первом свидании.

– Извините, – выдохнула я, но голос предательски дрогнул. – Я не удержалась.

Он ничего не сказал. Просто переключил передачу, и трактор снова дёрнулся, но теперь я была готова. Я вцепилась в поручень над головой, стараясь не смотреть на него. Но краем глаза всё равно видела.

Его профиль. Острый подбородок, скулы, на которых играла тень от низкого солнца. Короткий ёжик волос, влажный от пота на затылке. Руки, сжимающие руль, – широкие, сильные, с тёмными прожилками вен, которые вздувались при каждом движении. Рабочие руки. И в этих руках была какая-то пугающая, завораживающая красота.

Я поймала себя на том, что разглядываю его как произведение искусства. И тут же одёрнула себя. Варя, твою мать, ты что, заинтересовалась каким-то трактористом? Ты вообще в своём уме?

Но внутри меня что-то трепетало. Бабочки. Нет, не так. Шмели. Огромные, наглые шмели, которые бились о рёбра изнутри, требуя свободы. Я зажмурилась, прикусила губу, пытаюсь сосредоточиться на дороге.

Его молчание действовало на меня странно. В Москве мужчины болтали без умолку – о себе, о проектах, о деньгах, о своих амбициях. Они пытались заполнить тишину словами, чтобы не показаться скучными. А этот экземпляр молчал. И в его молчании было больше содержания, чем в любых монологах моих столичных знакомых. Оно давило, интриговало, заставляло додумывать, дорисовывать.

Он казался цельным, монолитным, без трещин. Уверенным в себе и невероятно мужественным.

Тряска не прекращалась. Трактор подпрыгивал на кочках, и каждый раз меня бросало то в одну сторону, то в другую. Я ловила себя на том, что пытаюсь угадать, когда будет очередной толчок, чтобы случайно не коснуться его снова. И одновременно ждала этого. Мне хотелось вжаться в этого мужика ещё раз, почувствовать его дыхание на своей коже, увидеть, как расширятся его зрачки.

Но он даже не взглянул на меня. Сидел как истукан, глядя вперёд. И это бесило. Почему? Почему он не смотрит на меня? Я привыкла, что мужчины оглядываются на мои ноги, на мою грудь, на мои волосы. А этот просто...

Едет.

У меня просто давно не было мужчины. Очень давно. Вот я уже и на колхозников бросаюсь.

– Вам не жарко? – спросила я, нарушая тишину.

Он повернул голову, и впервые наши взгляды встретились. Серые глаза стального оттенка, холодные, как осеннее небо. Но в глубине плескалось что-то тёплое, почти золотистое. Я моргнула, и мне показалось, что он чуть прищурился.

– Жарко, – ответил он односложно. – Но я привык.

И снова отвернулся. А я почувствовала себя маленькой, глупой, суетливой. Мои слова, моя попытка завязать диалог – всё это казалось фальшивым рядом с ним. Он не нуждался в пустых разговорах. Он просто делал своё дело. Вёз меня, помогал мне, потому что так надо. И ничего не ждал взамен.

Потом я всё же решила проявить воспитанность.

– Я Варя.

– Александр.

И всё.

Я подождала продолжения. Его не было.

– Очень приятно, – сказала я с нажимом.

– Угу.

Я повернулась к нему.

– Вы всегда такой разговорчивый?

– Нет.

Я прикусила щёку, чтобы не фыркнуть.

Перед нами тянулась дорога. По обеим сторонам стояли поля, высокие, золотистые, живые. Где-то далеко темнела полоска леса. Над ней висели большие облака. Красивые, конечно. Невыносимо красивые. Такие, что хотелось достать телефон и снять, но настроения не было, да и трясло нас так, что фотография вышла бы в жанре "последние секунды перед аварией".

– Я к бабушке приехала, – зачем-то сказала я. – К Зинаиде Павловне Антипиной.

Александр, наконец, повернул голову.

– К бабе Зине?

– Она моя бабушка.

– Ясно.

– Я давно здесь не была, – сказала я тише.

– Это заметно.

– По чему?

Он скользнул взглядом по моему чемодану.

– По багажу.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но не нашла, что ответить. Потому что он был прав. Никто в здравом уме не приезжает в деревню с чемоданом на колёсиках цвета "пыльная роза". Особенно если до деревни нужно добираться по дороге, где роза моментально становится грязной картошкой.

Берёзки показались неожиданно. Сначала водонапорная башня и труба школьной кочегарки, затем крыши, низкие заборы. Потом старый магазин с облупившейся вывеской. У колонки стояли две женщины и сразу повернули головы в нашу сторону. Одна даже прищурилась, как снайпер.

Я внутренне подобралась.

Да, началось.

Александр остановил трактор возле знакомого дома с голубыми ставнями. Когда-то они казались мне яркими, почти сказочными. Сейчас краска облупилась, калитка покосилась, но палисадник был ухоженный: бархатцы, мальвы, укроп зонтиками и старый куст сирени у окна.

– Приехали, – сказал мужчина, не глядя на меня, но вылез из трактора, чтобы помочь мне спуститься тоже.

Он подал мне руку, и я вцепилась в неё, чтобы не дай бог не сорваться вниз и снова не попасть в его объятия. У меня получилось. Я слезла с трактора, чувствуя, как дрожат ноги.

На улицу вышла бабушка.

Маленькая, сухонькая, в цветастом платке.

– Варенька! – крикнула она.

И я вдруг перестала злиться. На автобус, чемодан, дорогу, жару, Александра с его молчанием. Всё отступило. Я почти побежала к ней.

Бабушка пахла пирогами, мятой и домом. Обняла крепко, по-настоящему, прижала к себе, будто проверяла, вся ли я доехала.

– Худющая стала, – сказала она мне в плечо. – В городе вас там вообще кормят?

– Кормят, бабуль.

– Здравсти, баба Зина! – пробасил рядом Александр.

Он тем временем снял мой чемодан, поставил у калитки и уже собирался уходить.

– Саша! – позвала бабушка. Он остановился. – Спасибо, что Вареньку довёз.

– Да, пустяки.

– Зайдёшь? Пирог с капустой.

– Не могу. Илья один.

При имени "Илья" бабушка как-то хитро прищурилась.

– Опять один?

– Пётр Егорович с ним.

– Значит, точно один, – хмыкнула она.

Александр впервые за всё это время едва заметно улыбнулся, но я увидела. Оказывается, умеет.

– До свидания, – сказала я.

Он посмотрел на меня.

– Бывайте!

Трактор снова зарокотал и покатил по улице. Я проводила его взглядом.

– Грубиян, – вырвалось у меня.

Бабушка засмеялась.

– Саша-то?

– А кто ещё? Он за всю дорогу сказал слов десять.

– Значит, ты ему понравилась.

– Что?

– Если б не понравилась, сказал бы пять.

– Бабушка!

– А что бабушка? Я его меру знаю.

Она подхватила мой пакет, оставив мне чемодан, и пошла к дому. Я потащила багаж следом, уже по утоптанной дорожке, и почувствовала, как странно сжимается сердце.

Глава 3. Варя

В домике всё было почти как раньше.

Половики на полу. Белые занавески. Икона в углу. Часы с кукушкой, которые всегда спешили ровно на семнадцать минут. Дедушка когда-то сказал, что это «наша собственная временная зона», и с тех пор никто не переставлял. Кухня, где пахло капустным пирогом, жареным луком и свежим хлебом. На столе уже стояла тарелка с огурцами – пупырчатыми, пахнущими укропом, – миска деревенской сметаны, такой густой, что её можно было резать ножом, чайник в цветочек и банка малинового варенья, которое бабушка варила ещё прошлым летом. Я помнила вкус этого варенья с детства: оно было кисло-сладким, с целыми ягодами, и от него немного першило в горле.

Это как зайти в машину времени.

– Садись, – приказала бабушка. – Потом вещи разберёшь.

– Ба, я не голодная.

– Это ты в городе не голодная. А у меня все всегда голодные. Ясно?

– Ага.

Я села на табуретку, которая подозрительно скрипнула. Через пять минут передо мной лежали два куса пирога, и я ела так, будто не завтракала вообще никогда в жизни. Хотя завтракала. Овсянкой. С чаи. И с мёдом. Полезно, черт возьми, и абсолютно безвкусно. А здесь...

Пирог хрустел корочкой, начинка таяла во рту, смешиваясь со сметаной, и я поймала себя на том, что чавкаю. Чавкаю как ребёнок, которому плевать на этикет. Бабушкин пирог каким-то образом отключал совесть, здравый смысл и все правила приличия, которые я так старательно вколачивала в себя долгие годы.

Я ела как голодная дворовая псина. Ещё не хватало облизать тарелку. Да пофиг вообще. Облизала.

Бабушка сидела напротив, смотрела на меня внимательно. Так, словно сканировала каждую морщинку на моём лице, каждую трещинку в моей городской броне. Её глаза – выцветшие, голубые, как небо после дождя – видели больше, чем мне хотелось показывать.

– Надолго приехала?

– До конца лета. Ну, или пока не выгонишь.

– Хорошо.

Я замерла. В этом «хорошо» было столько всего. И принятие, и благодарность, и, кажется, облегчение. Бабушка перевела дух, и я это услышала.

– Мама сказала, тебе помочь надо?

– Мне не помощь нужна, мне просто человек в доме нужен.

Я опустила взгляд в чашку. Чай был тёплым, с мятой и мёдом, и горьковатый вкус почему-то застревал в горле. Вот это было уже сложнее. Человек в доме. Не сиделка, не помощница, не «ну я же для тебя стараюсь». А просто человек. Живой. Который будет рядом.

После смерти деда бабушка осталась одна. Мы звонили ей, присылали деньги, уговаривали переехать в город. Она отказывалась. Говорила: «Куда я от своего дома? Здесь каждая доска помнит деда, здесь я его чувствую». А я всё откладывала приезд. Учёба, работа, отношения, расставание, снова работа. Всегда находились причины. Важные. Уважительные. Которые на самом деле были просто страхом. Страхом увидеть, как она постарела. Страхом осознать, что никто не вечен.

Теперь я сидела на её кухне и понимала: причины были фиговыми отмазками. Вообще ни разу не уважительными. Просто я была эгоистичной дурой, которая пряталась за небоскрёбами и дедлайнами.

– Я буду рядом, – сказала я. – Можешь на меня рассчитывать во всём.

– Знаю, – спокойно ответила бабушка и подвинула ко мне варенье. – Ешь.

Я полезла в банку, выловила ягоду, и она растаяла на языке, оставляя привкус детства и внезапного стыда. Чтобы сбежать от неприятных мыслей и не разреветься прямо в чай, я спросила:

– А кто такой Александр?

Бабушка оживилась подозрительно быстро.

– Морозов. Через два дома живёт. Отец-одиночка. Сын у него Илья, осенью в первый класс идёт.

– Почему одиночка? Где мать его сына?

– Померла когда Илюшке года два было. Ох, царство ей небесное! – бабушка перекрестилась. – С тех пор Саша всё один, да один. Хозяйство держит, технику чинит, людям помогает. Мужик хороший.

– Очень молчаливый хороший мужик.

– А тебе какого надо? Балабола как радио? — бабушка фыркнула, отрезая ещё кусок пирога. — Словами больше дел не сделаешь. Сашка руками работает, а не языком.

– Я его совсем не помню. Он местный?

– Местный, конечно. Саша постарше тебя будет, наверное, поэтому не запомнился.

После обеда я разобрала вещи в маленькой комнате, где когда-то спала летом. Кровать у окна, старый шкаф, вышитая салфетка на тумбочке. На стене всё ещё висел мой детский рисунок: кривой дом, солнце с ресницами и огромная корова, похожая на автобус с ногами. Я засмеялась, увидев его, и почему-то захотелось плакать.

К вечеру жара спала. Небо стало оранжевым, потом фиолетовым, и на горизонте зажглась первая звезда. Я вышла во двор, вдохнула полной грудью. Пахло зеленью, влажной землёй и, кажется, коровьим навозом. Экзотика, блин. Дышать этим воздухом было странно: он не пах выхлопными газами и асфальтом. Он был живым и навязчивым, как пьяный сосед, который лезет обниматься.

Бабушка поливала грядки, ловко управляясь с лейкой. Пластиковая, выдавшая виды, с отломанным носиком, который она заклеила синей изолентой.

– Баб, тебе помочь?

– Завтра поможешь. Сегодня осваивайся. Ещё наработаешься, – сказала она, и в голосе послышалась ехидная нотка.

Я прошлась по двору. Куры подозрительно косились на меня. Наверное, чуяли чужачку. Одна рыжая, с особенно наглым видом, даже попыталась клюнуть мою ногу. Я отпрыгнула.

– Эй! Я здесь главная, понятно?!

Кура сделала вид, что не поняла. Ушла нагло, виляя задом. Деревенские куры – суровые тётки, им плевать на московский статус.

Рыжий кот сидел на заборе и делал вид, что меня не видит в упор. Я попыталась подойти, протянула руку, он фыркнул, спрыгнул и исчез в крапиве с такой скоростью, будто за ним гнались демоны.

Несколько дней я релаксировала. Ела, спала, читала, выполняла нехитрые бабушкины поручения. А по вечерам я ходила за сарай встречать закат. Там росла старая яблоня. Толстый ствол, раскидистые ветки, зелёные яблоки ещё маленькие, крепкие и, наверное, кислые до невозможности. Я подошла, тронула кору – шершавую, тёплую. Под ней билась жизнь, и я чувствовала это кончиками пальцев. Огромное дерево, посаженное дедушкой, когда меня ещё не было на свете. Оно пережило засухи, морозы, ураганы и его самого. А теперь стояло, раскинув ветви, и давало тень всему двору.

Красиво. Почему я раньше этого не замечала? Почему мне казалось, что здесь скучно?

Я только подумала, что в деревне вечером можно словить дзен, как вдруг над моей головой раздался пронзительный детский вопль, от которого у меня чуть сердце не выскочило из груди.

– А-а-а! Снимите меня-я-я! Я больше не могу-у-у!

Голос был отчаянным, визгливым, и в нём слышалась такая искренняя паника, что я мгновенно забыла про всё на свете. Задрав голову на ветке я увидела висящего мальчишку лет шести-семи. Светлые, выгоревшие на солнце волосы торчали во все стороны, веснушчатый, в футболке с супергероем, которая задралась до пупка. Он вцепился в ветку руками и ногами, как маленький уставший паучок. Лицо красное, на щеках разводы от слёз, нос шмыгает.

– Тётенька! Спасите меня! Я слезть боюсь!

Я перевела взгляд на дерево. Высота была приличной – метра три, не меньше. Ветка, на которой он сидел, тонкая, подозрительно скрипела, и я поняла: если не вмешаться, он свалится. Прямо на забор. Или на бабушкины грядки. Судя по панике в его глазах, вариант «слезть самому» он уже исключил.

Боже, детство, ты где? Я лазала по деревьям в десять лет, а сейчас, кажется, забыла, как это делать. Но что-то явно нужно было делать. Причём срочно.

– Держись! – крикнула я мальчику. – Я сейчас!

Глава 4. Саша

В пять утра казалось, что деревня ещё спит. На самом деле нет.

Деревня никогда не спала по-настоящему. В ней кто-то всегда скрипел калиткой, кашлял, хлопал дверью сарая, орал петухом не вовремя или заводил старый мотоцикл, собираясь на покос.

Я привык вставать раньше всех. Пока Илья спал, пока дом молчал, пока солнце только собиралось выкатываться из-за лесополосы, я успевал сделать половину того, чего потом всё равно оказывалось недостаточно. В деревне работа никогда не заканчивается. То одно, то другое.

На кухне было прохладно. Я налил воды в чайник, поставил на плиту, нарезал хлеб, достал из холодильника яйца. Кот Мурзик тут же нарисовался у ног, сел и посмотрел на меня так, будто я не кормил его вечность.

– Отстань, – сказал я.

Не тут-то было. Кошак упал на спину, изображая голодный обморок. Пришлось кинуть ему кусок варёной курицы из вчерашнего супа. Он презрительно понюхал, но всё же съел. С таким видом, будто его вынудили опуститься до крайности.

Из комнаты донёсся сонный голос:

– Пап...

Я замер.

– Чего?

– Можно я сегодня в садик не пойду?

– Сынок, ты уже год как не ходишь в садик.

Пауза.

– Тогда вообще хорошо.

Я рассмеялся себе под нос и разбил яйца на сковородку. Илья появился через несколько минут. В футболке задом наперёд, волосы торчали, на щеке отпечатался шов подушки. Босой, худой, лохматый, с лицом великого мученика.

– Что на завтрак? – спросил он, забираясь на табурет. – Яйца надоели, пап.

– Ешь, если хочешь быть сильным.

Он посмотрел в тарелку.

– Опять... У нормальных детей хлопья с молоком.

– Нормальным детям белок нужен, чтобы расти.

– Только белок? Желток можно не есть?

– Ешь, Илья, это полезно.

– Говоришь, как баба Зина, – буркнул сын, но взял в руку вилку.

Я поставил перед ним кружку молока и сел напротив.

– Договорись, пойдёшь к ней жить. Она тебя кашей накормит. Манной.

Илья вздрогнул. Манку он ненавидел всей душой. Как и я. На то мы и родственники.

– Яйца очень вкусные. Спасибо, пап.

– Если всё съешь, куплю сегодня хлопья, – сжалился я над сыном.

– Большую пачку? Шоколадные? – с надеждой спросил он.

– Да.

Илья оживился и принялся работать вилкой быстрее.

Вот так мы и жили. Я, сын, кот с характером районного начальника, хозяйство, техника и вечное ощущение, что я ничего не успеваю, потому что сутки почему-то короче, чем должны быть.

После завтрака Илья остался под присмотром моего отца. Пётр Егорович пришёл в семь, как всегда. Без стука, с газетой под мышкой и банкой смородинового варенья.

– Галька соседка передала, – сказал он.

Папа "мутил" с этой Галькой уже много лет. С тех пор как мама умерла. Но отнекивался, как будто я слепой и вся деревня тоже.

– Она тебе передала или ты сам взял? – подколот я его.

– Не твоё дело.

Отец прошёл в дом, глянул на Илью.

– Опять футболка неправильно.

– Так сейчас модно, – буркнул сын, но футболку передел.

– Будешь убегать от меня сегодня, крапивой отхожу!

– Илья, слушайся деда, или я сам тебя крапивой отхожу! – пригрозил я сыну, зная его дурацкую привычку сбегать и попадать во всякие переделки.

Ходить в детский сад сын наотрез отказался, а кроме деда присмотреть за ним было некому. Скорее бы он уже в школу пошёл, что ли.

Я натянул кепку, взял ключи от пикапа и поехал на ферму.

По дороге думал не о том, что предстоит сделать за день, а о Варваре – внучке бабы Зины. Я вообще в последние дни только о ней и думал. Вчера перед сном даже как-то пошло её представлял в разных позах. Каюсь, грешен.

Запала она мне в душу, засела прям под рёбрами. И всё запах её духов мерещился. Не припомню, чтобы кто-то ещё так славно пах. Волнительно, дорого, неприступно... И так возбуждающе, чёрт побери!

Как вспомню, внутри все кишки переворачиваются.

Увидеть бы её ещё раз. Хоть одним глазком.

Зачем? Да хрен бы его знал. Просто так.

Что я на девушку просто так посмотреть не могу? Между нами всё равно ничего не может быть. По-любому у неё жених есть. Такие красотки одни не бывают.

А я что? Да и некогда мне, вообще-то, шуры-муры всякие там разводить.

Утро уже разгонялось. Над травой висел пар. Пастух гнал стадо коров на пастбище. У МТМ матерился Денис. Значит, день начался нормально.

– Морозов! – заорал он, увидев меня. – У нас опять ремень слетел!

– Он у тебя всё время слетает.

– Потому что техника древняя!

– Потому что руки у тебя из жопы!

Денис вынырнул из-под старого комбайна, весь в мазуте, но с улыбкой от уха до уха.

– Руки у меня золотые.

– Только растут странно.

Он обиделся на полсекунды, потом рассмеялся в голос. Денис был из тех людей, которые могли сломать молоток, починить его проволокой, потом сломать проволоку и всё равно доказать, что так и было задумано. Работал со мной уже шестой год. Другом стал раньше. Ещё до всего.

До больницы. До похорон жены. До того, как я научился не отвечать на вопросы, на которые сам не знал ответов.

Мы с ним провозились с ремнём почти час. Потом поехали смотреть насос у дальнего колодца. Потом у телятницы прорвало шланг. Потом позвонила Марина из школы и попросила привезти доски для ремонта крыльца, потому что "вы же всё равно мимо будете ехать". Я вообще в ту сторону ехать не планировал, но поехал.

К одиннадцати рубашка прилипла к спине, ладони пахли соляжкой, а в голове крутились списки: сено, запчасти, корм, долги за горючее, собрание по школе, Илье купить хлопья и новые кроссовки, потому что старые жмут.

Илья осенью идёт в первый класс. Охренеть просто. Я до сих пор не понимал, как это произошло.

Только вчера он орал ночью так, что я носил его по комнате до рассвета. Только вчера учился ходить и падал носом в ковёр. Только вчера спрашивал, когда мама вернётся. Теперь он тетрадки в школу выбирает.

А я всё ещё не знал, как рассказать ему о том, что его мама умерла, что она не вернётся и ждать её не нужно. У меня просто язык не поворачивался сказать. Много раз я порывался отвезти сына на могилу Полины, но в последний момент меня всё время что-то останавливало. И я знал, что именно: трусость моя. Я понимал, что не могу врать сыну вечно, но стоило посмотреть в его карие, как у Полины, глаза, меня будто паралич охватывал.

Денис сел рядом на бревно, вытер лоб рукавом и достал сигареты. Я посмотрел строго.

– Убери.

– Да я не курю, я просто поддержать.

– Денис!

– Ладно, папочка. – Он спрятал пачку и покосился на меня. – Тебе, кстати, жениться надо.

Я даже не повернул головы.

– Не начинай.

– А чего не начинать? Мужик ты видный. Хозяйство есть. Дом есть. Ребёнок почти воспитанный.

– Почти?

– Ну он же твой. Чудес ждать не будем.

Я поднялся.

– Иди ремень смотри.

– Саня, я серьёзно. Что там за девчонка белобрысая, которую ты на днях со сломанного автобуса подвозил?

– Ты-то откуда знаешь?

– Так вся деревня знает. Говорят красавица?

Я посмотрел в сторону поля. Там ветер шёл по пшенице длинной волной. Красиво. Спокойно. Словно ничего плохого на свете вообще никогда не случалось.

– Обычная. Не в моём вкусе. Мне вообще блондинки не нравятся, – соврал я Денису, чтобы только тот от меня отцепился. – Давай работать уже.

– Работа не волк, в лес не убежит, а вот девчонку уведут, пока ты титьки мнёшь. Полинка бы тебя сама уже за шкирку к какой-нибудь бабе отвела. – Я резко повернулся. Денис отступил, увидев мой недобрый взгляд, и поднял руки. – Всё. Молчу.

Имя жены до сих пор било не громом. Нет. Гром быстро проходит. Это было как заноза под ногтем. Маленькая, постоянная, незаметная для других. Пока не заденешь.

Её не стало пять лет назад. Иногда казалось – вчера. Иногда – в другой жизни.

Я давно убрал её вещи с видных мест. Не потому, что хотел забыть поскорее, потому что Илья начинал их трогать, нюхать, прятать под подушкой. Один раз я нашёл её шарф у него в кровати. Он спал, зажав его в кулаке.

После этого я понял: память тоже может быть тяжёлой. Особенно для ребёнка.

Работа спасала. Не лечила, просто не давала много думать. Ночами накрывало сильно, но до ночи ещё далеко.

Глава 5. Саша

Когда я вернулся вечером домой, во дворе было подозрительно тихо. Я проверял в обед Илью, он был дома. Строил во дворе из говна и палок какой-то шалаш.

Сейчас его не было видно на улице, и это настораживало. Отец сидел на лавке под навесом и дремал с газетой на груди. На столе монотонно бубнил его телефон – транслировали хоккейный матч.

Я остановился у беседки.

– Пап? – Он не проснулся. – Пётр Егорович!

Он вздрогнул, открыл глаза и сразу нахмурился, будто это я виноват, что он заснул.

– Чего орёшь?

– Где Илья?

– Тут был только что.

– Где?

Отец осмотрел двор. Пусто.

– Только что бегал.

– Когда только что?

– Ну... недавно.

– Пап?

Он поднялся, уже сам понимая, что проморгал пацана.

– Он не мог далеко уйти.

Вот это "не мог" я слышал много раз. И каждый раз после него Илью находили либо на крыше сарая, либо у реки, либо в чужом огороде, где он "проверял, как растёт картошка, если её выкопать".

Я свистнул.

– Илья!

Тишина.

– Может, к Денису побёг? – предположил отец.

– Денис на ферме.

– К Маринке в школу?

– Зачем?

– Он вчера говорил, что хочет посмотреть класс.

Я уже шёл к улице. Сердце не колотилось. Я привык. С Ильёй нельзя было паниковать каждый раз, иначе к семи его годам я бы уже лежал в земле рядом с Полиной, но внутри всё равно холодело.

Река. Колодец. Заброшенный дом у оврага. Тракторная площадка. Старый карьер.

У детей фантазия короткая только у тех, кто их плохо знает. На самом деле они способны найти неприятности даже в пустой комнате, если оставить их на пять минут без присмотра.

Я дошёл до магазина. Катя-почтальон, ехавшая на велосипеде с сумкой через плечо, затормозила так резко, что чуть не въехала в крапиву.

– Саш, ты кого потерял?

– Илью не видела?

– Видела. К бабе Зине побежал.

– Один?

– С биноклем. Он сказал, у него секретная операция.

Я закрыл глаза. Секретная операция у Ильи могла означать всё что угодно. От строительства плота до попытки поймать соседского гуся и сделать его ручным.

– Спасибо, Кать.

Я пошёл быстрее. Потом почти побежал.

Ну, вот. Хотел увидеть Варю? Вот и повод, будь он неладен.

Баба Зина как раз ковырялась на улице в клумбе.

– Баба Зина, здравствуйте!

Она выпрямилась и, прикрыв ладонью глаза от солнца, посмотрела на меня. Её лицо, изрезанное морщинами, как старая карта, выражало неподдельное удивление. Она всегда удивлялась, когда я появлялся у её калитки – я редко заходил без дела.

– Сашенька? Чего такой взъерошенный? – спросила она, поправляя платок.

– Илья у вас? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри уже всё кипело.

Она удивлённо нахмурилась. Брови сдвинулись к переносице, и на лбу появились вертикальные морщины.

– Нет. Не прибегал.

– Точно?

– Да говорю же, не было его. Я с утра во дворе.

У меня внутри неприятно потянуло. Холодок пробежал по спине, и я почувствовал, как напряглись плечи. Только что Катя из магазина уверяла, что видела моего чертёнка именно сюда бегущим. Я всегда знал: когда Катя что-то видит, она не ошибается. Но баба Зина тоже не из тех, кто пропустит чужого ребёнка в своём дворе.

Я уже хотел идти дальше, проверить за домом, у колодца, когда вдруг из-за сарая донёсся отчаянный детский вопль. Такой пронзительный, что у меня сердце пропустило удар.

Я замер. Кровь прилила к вискам, и в ушах зашумело. Это был его голос. Моего сына. Моего Ильи.

– Илья! – рявкнул я, сорвавшись с места.

Баба Зина всплеснула руками так, что лейка выпала из её пальцев и грохнулась о землю.

– Господи, опять!

Мы почти одновременно обогнули сарай. Картина открылась такая, что я на секунду потерял дар речи.

На старой яблоне, почти у самой толстой развилки, сидел мой сын. Он вцепился в ветку всеми конечностями сразу, красный, перепуганный, с лицом, перепачканным землёй. На шее болтался бинокль. Волосы стояли дыбом, глаза были огромными, как у совёнка.

А рядом...

Рядом, цепляясь одной рукой за ствол, стояла Варя.

Она уже почти добралась до него. Её ноги дрожали, я видел это даже отсюда. Она боялась. Очень боялась. Я заметил, как она зажмурилась на секунду, пытаясь унять дрожь, но всё равно лезла выше. К моему сыну. К чужому мальчишке, которого видела в первый раз.

Я почувствовал, как внутри меня что-то перевернулось. Она рисковала собой. Ради него. И эта мысль ударила под дых сильнее, чем я ожидал.

– Илья! – рявкнул я.

Сын вздрогнул так, что ветка под ним качнулась, и я услышал, как она жалобно скрипнула.

– Папа...

– Не двигайся!

Варя тоже посмотрела вниз. Её глаза встретились с моими, и я заметил, как она растерялась. На щеках выступил румянец – то ли от напряжения, то ли от смущения.

– О... Здравствуйте, – сказала она.

Нашла время здороваться. Я чуть не застонал, внезапно перейдя на "ты".

– Что ты творишь? – процедил я, чувствуя, как в груди разрастается злость. Злость на неё. На себя. На эту чёртову яблоню, которая, кажется, сейчас развалится.

Она нервно улыбулась. Улыбка была кривой, неуверенной, но в ней сквозила какая-то безумная решимость.

– Помогаю мальчику слезть, – ответила она.

– Немедленно слезай, – приказал я.

– Не могу, – честно призналась она.

– Почему?

Она посмотрела вниз. Потом снова вверх. И вдруг я услышал, как она выдохнула:

– Теперь мне тоже страшно.

Баба Зина тихонько охнула. Я услышал её шёпот: «Господи, господи...».

Мне захотелось одновременно рассмеяться и придушить обоих. Варя стояла на ветке, вцепившись в ствол, и в её глазах плескался самый настоящий, неподдельный страх.

Сначала Илья. Я должен сначала снять его.

– Сынок, – позвал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Да, пап...

– Медленно ползи ко мне. Не смотри вниз.

– Я не могу, – прошептал он.

– Почему?

– Я уже вниз посмотрел.

Я закрыл глаза на секунду. Мой сын. Мой невероятно любопытный сын. Он унаследовал это от матери.

– Слушай меня внимательно, – сказал я, подходя вплотную к стволу. Илья часто закивал, и я видел, как дрожат его губы. – Сейчас ты отпускаешь ветку и лезешь вниз. Медленно. Я тебя поймаю.

– А крапива?

– Что – крапива? – не понял я.

– Ты мне крапивы всыпать обещал, – напомнил Илья.

– Вы лупите ребёнка крапивой? – удивлённо спросила Варя, и мне стало жутко неловко.

Пока что я ни разу не наказывал сына таким образом, пугал только. Я вообще против разного рода рукоприкладства.

– Не твоё дело! – огрызнулся я на Варю. – Илья, я тебя ловлю! Давай, сынок!

Он ещё секунду сомневался, потом послушался. Я видел, как он перебирает руками, как его ноги ищут опору. Каждое его движение отзывалось у меня где-то под рёбрами. Я поднял руки, готовый поймать его в любой момент. Ещё немного. Ещё. Илья соскользнул, и я подхватил его прежде, чем он успел испугаться.

Он оказался у меня в руках, тёплый, лёгкий, пахнувший солнцем и яблоней. Я прижал его к себе так сильно, что он пискнул. Он сразу уткнулся носом мне в шею, и я почувствовал, как его маленькое тело дрожит.

– Прости, пап, – прошептал он.

Я ничего не сказал. Только крепче сжал его. Живой. Главное – живой. Всё остальное – ерунда.

Поставив сына на землю, я поднял голову. Варя всё ещё сидела на дереве. И смотрела на меня с самым несчастным выражением лица, которое только можно представить. Она была похожа на нашкодившего котёнка, который знает, что сейчас получит, но всё равно надеется на снисхождение.

– Теперь ты, – сказал я.

Глава 6. Саша

Она покосилась вниз. Её ноги задрожали сильнее.

– Тут высоко, – прошептала она.

– Когда лезла, было низко? – спросил я с сарказмом.

– Тогда я об этом не думала, — честно призналась она.

Баба Зина уже едва сдерживала смех. Я услышал, как она фыркнула и прикрыла рот ладонью.

– Варя, ну ты даёшь... – пробормотала она.

Я подошёл ещё ближе к стволу. Смотрел на неё снизу вверх, и впервые за долгое время не знал, что делать. Эта девушка, которая вчера была мне совершенно чужой, сегодня стояла на дереве, готовая рискнуть собой ради моего сына. Теперь, когда с Ильёй было всё хорошо, я не мог на неё злиться.

– Прыгай! – сказал я.

Она вытаращилась на меня так, будто я предложил ей прыгнуть в прорубь.

– Куда? – спросила она.

– Ко мне.

– А если не поймаете?

– Поймаю, – сказал я, и это была правда. Я знал, что поймаю. Потому что не мог позволить ей упасть. Ни за что. – Ты должна мне верить.

– Я тяжёлая.

– Я справлюсь, – уверенно ответил я.

Она долго смотрела мне в глаза. Я выдержал её взгляд. Голубые зрачки с золотыми искрами, испуганные и одновременно дерзкие. Она пыталась понять, шучу я или нет. Потом медленно отпустила ветку.

И прыгнула.

Я поймал её легко. Даже легче, чем ожидал. Она почти ничего не весила – лёгкая, тёплая, сбившаяся от страха. Её пальцы сразу вцепились мне в плечи. Испуганно, доверчиво. Я почувствовал, как её колотит.

Совсем близко оказалось её лицо. Несколько выбившихся прядей липли к покрасневшим щекам, на висках блестели капельки пота. От неё пахло яблоневыми листьями, солнцем и чем-то сладким – мёдом, что ли. Или просто летом. Её дыхание касалось моего лица, и я вдруг понял, что смотрю на её губы.

Она подняла голову, и наши взгляды встретились.

Запах её духов снова закружил голову.

Я понял, что задержал дыхание. И что не хочу отпускать её.

Это было неправильно. Нелепо. Глупо. И всё равно я не мог оторвать от неё взгляда.

– Вы сейчас поцелуетесь? – раздался совсем рядом любопытный голос Ильи.

Я резко поставил Варю на землю. Так резко, что она пошатнулась. Отстранился, сделал шаг назад, словно обжёгся. Да что со мной происходит?

Пять лет. Пять чёртовых лет я спокойно жил. Работал. И никаких глупостей в голову не лезло. А тут приехала городская девчонка. И уже второй раз оказывается у меня в объятиях.

Чтоб её...

Я специально сделал ещё один шаг назад, восстанавливая дистанцию.

– Ты вообще о чём думала? – грубо спросил я. – Нахрена ты туда полезла?

Она удивлённо моргнула. Похоже, моя резкость застала её врасплох.

– О мальчике, – сказала она.

– Ты могла свалиться и сломать себе что-нибудь! Шею, например!

Она вдруг вскинула подбородок. В её глазах мелькнуло что-то гордое, непокорное.

– И что ты мне сделаешь? – с вызовом спросила она. – Тоже крапивой отхлестаешь?

– Ребятишки, ну вы чего? – вмешалась баба Зина.

– Домой, – сказал я Илье.

Он виновато опустил голову. Его плечи поникли.

– Пап...

– Потом, – перебил я. – Сначала домой. Поговорим дома. – До свидания! – попрощался я с дамами и взял его за руку.

Он понял, что сейчас лучше молчать. Всю дорогу домой шагал рядом со мной тихо, что само по себе выглядело подозрительно. Обычно Ильа болтал без умолку. Сегодня он молчал. И это молчание было в тягость.

Ближе к дому он всё-таки не выдержал. Я услышал, как он глубоко вздохнул, набираясь смелости.

– Пап...

– Что? – спросил я, стараясь выглядеть спокойным.

– Ты не очень ругаешься.

– Я ещё не начал.

– А... – он замялся, потоптался на месте. – Тебе Варя понравилась?

– С чего ты взял? – спросил я.

Он посмотрел на меня так, будто я спросил, почему небо голубое. В его глазах светилась та самая детская прямота, которая иногда убивает наповал.

– Так вся деревня говорит, – сказал он.

Я медленно выдохнул. Внутри всё сжалось, и я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Что именно говорит? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Что она твоя невеста, – просто ответил Ильа.

М-да...

Конечно. Конечно, говорит. Деревне понадобилось пара дней, чтобы придумать историю, которой нет. И при этом я знал: половина из них верит в это. Потому что они хотят верить. В деревне любой слух – это развлечение. И я, чёрт возьми, оказался главным героем этого цирка.

– Кто тебе это сказал? – спросил я, пытаюсь скрыть раздражение.

– Все, – ответил Ильа.

– Очень содержательный ответ, – сказал я.

– Баба Клава сказала тёте Кате. Тётя Катя сказала дяде Денису. Дядя Денис смеялся. Потом деду по телефону сказала баба Галя, и он тоже смеялся, – перечислил он, загибая пальцы.

Я мысленно пообещал Денису тяжёлую физическую работу до конца месяца. И деду тоже. Чтобы знали, как смеяться.

– И зачем ты побежал с биноклем? – спросил я, хотя уже догадывался.

Ильа смущённо улыбнулся. Я заметил, как он покраснел до корней волос.

– Хотел посмотреть на твою невесту поближе, – признался он.

– Ну и как она тебе? – спросил я.

Он подумал. Очень серьёзно, нахмутив брови. Потом посмотрел на меня, и его лицо озарила широкая улыбка. Ямочки на щеках. Такая же улыбка, как у его матери. И эта мысль кольнула где-то под рёбрами.

– Красивая, – сказал он.

И после небольшой паузы добавил так просто, что у меня внутри что-то болезненно дрогнуло:

– Если она правда станет нашей... я не против. Только мама может обидеться, что ты другую невесту нашёл.

Вот сейчас. Нужно сказать ему сейчас, что Поля умерла.

Я открыл рот и закрыл.

Ничего не ответил. Потому что слишком хорошо понимал одну вещь: для сына это была игра, для деревни – повод посплетничать, а для меня всё оказалось гораздо опаснее. Потому что в этих сельских домыслах была частичка правды – Варя мне понравилась.

Я погладил сына по голове, чувствуя, как путаются под пальцами его соломенные вихры.

– Пошли домой, – сказал я. – Там поговорим.

– Ты меня накажешь?

– Да.

– Крапивой?

– Ещё не решил. Пока думаю.

– Долго думай, ладно?

– Ладно.

Весь остаток дня прошёл на автомате.

Вечером Илья сидел за столом и ковырял макароны. Наказание я придумал простое: неделю без велосипеда и никаких секретных операций без доклада командованию. Он возмущался двадцать минут, потом устал.

Отец поужинал с нами и ушёл к себе. Во дворе темнело. За окном стрекотали кузнечики.

– Пап, – сказал Илья.

– Что?

Он долго водил вилкой по тарелке.

– А можно завтра к бабе Зине в гости?

– Зачем?

– Ну... просто.

– Что значит – просто?

– Я же по-нормальному отпрашиваюсь, чтобы не убегать.

– Я подумаю и утром скажу, – пошёл и я навстречу шкодине. – Если ты наелся, иди спать.

– Спасибо, пап! Спокойной ночи! – Илья спрыгнул с табуретки, замер, потом подошёл ко мне и обнял. – Я тебя люблю.

Господи! У меня макароны в горле застряли.

– Я тоже тебя люблю, сынок!

Я чмокнул его в макушку, и он ушёл. Я смотрел ему вслед и думал: какой же он уже взрослый.

Глава 7. Варя

Александр увёл Илью так, будто конвоировал особо опасного преступника. Он держал сына за плечо, пальцы впились в футболку, а сам шёл с таким видом, будто каждая секунда, проведённая рядом со мной, стоила ему нервной клетки.

Илья шагал рядом с ним, опустив голову, но то и дело оборачивался на меня. Не испуганно, а скорее с любопытством. Будто я была не взрослая тётка, которая только что едва не свалилась с яблони, а какой-то новый редкий зверёк, которого он пока не успел изучить.

Вдруг мальчик мне подмигнул. Откровенно так подмигнул, прямо под отцовским носом. Я чуть не фыркнула, но сдержалась. Александр ничего не заметил – он был слишком занят своей суровой мужской обидой на весь мир.

Перед уходом он успел одарить меня взглядом из серии «где ты была, глупая курица, когда Господь раздавал людям разум?». В этом взгляде было всё: и осуждение, и лёгкое восхищение, и отчаянное желание поставить меня в угол. Потом он рывкнул на сына, рывкнул на меня и удалился.

Красиво.

Очень по-мужски.

Спас, отчитал, ушёл.

Я выдохнула, когда за ними закрылась калитка. Воздух вдруг стал легче, но в груди всё ещё билась какая-то странная дрожь. От его взгляда. От того, как его руки сжали мою талию, когда он поймал меня. От того, как он пах.

– Как думаешь, баб, он правда лупит мальчика крапивой? – спросила я, поднимая с земли шлёпанцы. Одна из них была перепачкана землёй, вторая валялась где-то в траве.

Бабушка фыркнула и покачала головой.

– Я бы ему сама уши ободрала за такое! Но Саша... Нет. Что ты. Он на Илюшку дышит через раз, чтоб не сдуть. – Бабушка вздохнула и поправила платок. – Просто бедовый мальчишка. Постоянно с ним неприятности случаются. Лезет куда ни попадя.

– Так смотреть надо за детьми, – сказала я, хотя сама понимала, как глупо это звучит. Я сама только что лезла на дерево за чужим мальчиком. Я – человек, который в Москве боится высоты даже на эскалаторе.

– Пётр Егорович смотрит. Отец Сашеньки.

– И как успехи?

– Никак. Илья от него постоянно убегает. Вот как сегодня.

Я представила сурового деда, который с криками несётся за Ильёй, и не удержалась от улыбки.

– А сам Александр чего?

Бабушка посмотрела на меня так, будто я задала глупый вопрос. В её взгляде читалось: «Варя, ты что, совсем без понятия?»

– Так на работе целыми днями. Работать-то кто будет? Хозяйство само себя не поднимет. Техника ломается, скотина есть просит, люди за помощью бегут. А руки у него всего две.

Я промолчала. Очень хотелось сказать, что ребёнку всё равно нужен отец рядом. Что работа – это важно, но сын важнее. Но почему-то не сказала. Наверное, потому, что вспоминала, как Александр ловил сына под деревом. Как побледнел, хотя держался камнем. Как прижал его к себе на секунду так крепко, будто боялся, что мальчишка рассыплется в руках. В тот миг его лицо было не каменным, оно было живым, напряжённым, почти отчаянным.

Нет. Он точно не был равнодушным отцом. А ещё он был грубияном. Одно другому не мешало.

Утром меня разбудили голоса на улице. Я ещё толком не открыла глаза, а уже услышала мужской бас, бабушкино бодрое «да конечно, оставляй» и детское:

– Я обещаю! Честное-пречестное!

Голос Александра я узнала сразу, поэтому вскочила как ошпаренная, наспех натянула джинсы и футболку – первые попавшиеся под руку. Волосы собрала в хвост кое-как, выбежала на крыльцо, и замерла.

Александр стоял во дворе с ключами от машины в руке. Илья висел у него на локте и смотрел на бабушку глазами кота, которому отказали в сметане.

– Вы только не подумайте, что я вам его подбрасываю, – сказал Александр, и голос его звучал виновато. – Он очень просился к вам в гости.

– Да мне только в радость, только вот боюсь, что не справлюсь я с ним. Года уже не те, – покачала головой бабушка.

– Я помогу, – не раздумывая проговорила я. – Присмотрю за Ильёй.

Все повернулись. Мальчик засветился, как новогодняя гирлянда. Александр посмотрел на меня так, будто я его задрала уже в доску.

– Доброе утро, – сказал он, когда я спускалась по ступенькам. – Спасибо, но не стоит.

– Почему?

– Потому что ты не знаешь, во что ввязываешься.

– Я по-твоему не справлюсь? Считаешь меня безответственной?

– Хочешь знать, что я считаю? – нахмурился Александр.

– Ну, пап, – дёрнул его за штанину Илья.

Александр посмотрел на сына. Долго. Тяжело. Я видела, как он взвешивает варианты, как внутри него идёт борьба между желанием защитить сына и нежеланием признать, что я могу быть полезной.

– Не убегать, – сказал он.

– Не буду! – Илья чуть не подпрыгнул от счастья.

– Не лезть на деревья.

– Не буду.

– Не подходить к реке.

– Не буду.

– Не трогать гусей.

Илья замялся. Я видела, как он переступил с ноги на ногу.

– А если они первые начнут?

– Илья.

– Всё, понял, – вздохнул он с трагичным видом.

Александр перевёл взгляд на меня. Его глаза были серьёзными, почти тёмными.

– Если что – звоните, – сказал он. – У Ильи есть мой номер и у бабы Зины тоже. Пока, сынок.

Мужчина сел в свой пикап и уехал.

Илья проводил взглядом машину отца и повернулся ко мне с видом человека, которому наконец дали власть над миром. Он расправил плечи, поднял подбородок и посмотрел на меня так, будто мы собирались покорять горы.

– Ну что будем делать? – спросил он.

– Для начала позавтракаем? – предложила я.

– Я уже дома ел. Хлопья шоколадные. Папа купил.

– Это было дома, – сказала бабушка. – А у меня все едят.

– Ладно, – согласился Илья. – Только чур не манку.

Глава 8. Варя

Вопреки моим опасениям, Илья оказался вовсе не стихийным бедствием в обличье ребёнка.

То есть бедствием он был, но вполне обаятельным.

Бабушка отправила нас полоть картошку. Я работала тяпкой, а Илья собирал траву в ведёрко, чтобы покормить поросят, и болтал без остановки.

Абсолютно без остановки.

– А у тебя квартира большая?

– Средняя.

– А сколько комнат?

– Две.

– А зачем тебе две?

– Чтобы жить.

– В одной можно жить.

– Можно.

– Тогда зачем две?

Я посмотрела на него, он посмотрел на меня, и по его лицу было видно, что вопрос действительно серьёзный.

– Не знаю, Илья. Так получилось.

Он немного подумал.

– Понятно.

Минут через десять он уже рассказывал мне про свою семью. Вернее, докладывал.

– Деда Петя умеет всё чинить.

– Всё?

– Всё.

– Даже космический корабль?

– Если покажут инструкцию.

Я рассмеялась.

– А твой папа что умеет?

– Он всё умеет, только отдыхать не умеет.

– В смысле?

– Ну отдыхать.

– Он совсем не отдыхает?

– Иногда сидит вечером.

– Это не считается?

– Нет. Дедушка отдыхает. Он телевизор смотрит и ругается.

– На телевизор?

– На всех. А папа всё время работает.

– А вы вместе что-нибудь делаете?

– Рыбу ловим.

– Часто?

– Два раза ловили.

– Это не очень часто.

– Зато большую поймали. – В этом была железная логика ребёнка. Если рыба большая, количество уже не имеет значения. – А у тебя дети есть?

– Нет.

– Почему?

– Я ещё не вышла замуж.

– А ты хочешь?

Я покосилась на него. Вот ведь маленький допросчик.

– Не знаю.

Несколько минут мы работали молча. Редкое и потому почти невероятное явление. Я уже начала наслаждаться тишиной, когда услышала:

– Варя?

– М-м?

– А ты моего папу боишься?

Я едва не выронила тяпку.

– С чего ты взял?

– Ну ты на него странно смотришь. – Я медленно повернулась. – Как будто хочешь его стукнуть.

Я расхохоталась. Так искренне, что даже слёзы выступили.

– Это ужасное сравнение. Нет, Илья. Я твоего папу не боюсь.

– Точно?

Перед глазами тут же всплыло суровое лицо Александра, его тяжёлый взгляд. Манера разговаривать так, будто все вокруг регулярно испытывают его терпение.

– Ну... Немножко раздражаюсь.

– Папа хороший. Странно, что мама от него уехала.

– Уехала? – переспросила я, ведь бабушка мне сказала, что Александр вдовец.

– Ну, да. Папа говорит, что она когда-нибудь вернётся, но я ему не верю. Кажется, что мама нас бросила. – Я стояла в полнейшей растерянности, вообще не зная, как на такое реагировать и что говорить. – Я уже её плохо помню. Она, наверное, красивая была?

И вот это было сказано уже совсем другим голосом. Без обычной болтовни. Без шуток. Просто тихо.

Я посмотрела на Илью. На его грустные глаза, на упрямый подбородок, на ямочки на щеках.

– Думаю, очень красивая.

Он немного подумал, потом кивнул, будто подтвердил собственные догадки.

– Папа тоже так говорит.

Снова повисла пауза, но уже не неловкая. Просто спокойная. Тёплая.

После обеда мы поиграли, потом порисовали, посмотрели мультики, пока был самый солнцепёк, а к вечеру снова вышли на улицу.

– Скоро папа за мной приедет, – грустно сказал Илья, поглядывая на дорогу. – Можно я как-нибудь ещё приду к тебе в гости, Варя?

Он спросил с такой надеждой. Разве я могла ему отказать?

Я вдруг поняла, что за весь день ни разу не устала от его общества.

Мальчик был шумным, любопытным, иногда совершенно невозможным, но рядом с ним почему-то становилось легче дышать. Словно этот маленький человек ещё не успел научиться усложнять жизнь и жил по очень простому правилу.

Если интересно – спроси, если весело – смейся.

– Если папа разрешит, приходи, конечно.

Вечером, когда я уже считала минуты до возможности упасть лицом в подушку, во двор пришла женщина. Лет тридцати, с папкой под мышкой и тревогой на лице. Она остановилась у калитки, поправила юбку и улыбнулась – натянуто, но дружелюбно.

– Зинаида Павловна, добрый вечер. Ваша внучка дома?

– Тут я, – отозвалась я с крыльца.

Женщина подошла ближе. У неё были тёплые карие глаза и мягкие черты лица – такие, что сразу хотелось доверять.

– Я Марина Витальевна. Учительница начальных классов, – представилась она. – Илья ко мне осенью должен прийти.

Илья, сидевший на ступеньках, сразу выпрямился. На его лице засияла улыбка.

– Я уже почти готов, – сказал он.

– Верю, – тепло сказала Марина. Марина повернулась ко мне. Её взгляд стал серьёзным. – Мне сказали, вы дизайнер.

Я медленно посмотрела на бабушку, та только руками развела.

– Смотря кто сказал, – осторожно ответила я.

– Катя-почтальон, – улыбнулась Марина. Она переступила с ноги на ногу, и в её голосе послышалась растерянность. – Простите, что так сразу. Просто у нас через неделю праздник в школе. Приезжает комиссия из района. Будут решать, оставлять школу или закрывать. Нам надо украсить актовый зал, сделать объявления, плакаты, может, какую-то красивую презентацию... А у нас всё как обычно: ватман, гуашь и ноль идей.

Я хотела вежливо отказаться. Правда хотела. У меня отпуск. У меня картошка, которую надо полоть.

Но Илья так испуганно сейчас смотрел на Марину, будто она сейчас решала его личную судьбу.

– А если праздник плохо пройдёт? – спросил он.

Марина мягко улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, почти болезненной.

– Мы постараемся, чтобы прошёл хорошо.

– Но если плохо? – настаивал он. Она не ответила сразу. И вот это молчание было хуже любых слов. В нём слышался страх – настоящий, взрослый страх, который Илья пока не мог понять, но чувствовал. Илья опустил глаза. Его плечи поникли. – Тогда школу закроют?

Я увидела, как у него дрогнули губы. Он не заплакал. Просто стал маленьким. Совсем. Таким беззащитным, что у меня сжалось сердце.

– Ладно, – сказала я.

Марина вскинула на меня глаза. В них блеснула надежда.

– Вы можете?

– Помогу, – сказала я, чувствуя, как внутри меня разливается странное тепло. – Только мне нужен список: что есть, что нужно, размеры зала и кто умеет держать кисточку.

Мы обменялись номерами телефонов, и учительница ушла.

А я поняла, что опять ввязалась в то, во что вообще не планировала. Сначала тракторист, потом дерево, затем Илья, теперь школа.

Глава 9. Варя

Марина Витальевна ушла, и мы с бабушкой ещё немного посидели на крыльце, обсуждая новость.

– Закроют школу, и деревне конец, – вздохнула бабушка. – С этого всё и начинается.

Я хотела сказать, что мне плевать на их школу и их деревню в целом. Чем быстрее развалится деревня, тем быстрее бабушка переедет к нам в город. Мне это было только на руку.

Но потом я посмотрела на Илью, который странным образом притих, и мне стало не по себе. На него мне теперь было не наплевать.

Рядом с домом послышалось урчание пикапа Александра, и Илья сорвался с крыльца раньше, чем машина остановилась. Он рванул к ней с такой скоростью, будто за ним гнался индюк. Дверца открылась, и он влетел в объятия отца.

– Папа!

Александр вышел, держа сына на руках, захлопнул дверцу и машинально взъерошил мальчику волосы. Я заметила, как его лицо чуть смягчилось, когда он посмотрел на Илью. Всего на секунду, но я заметила.

– Не сбежал сегодня? – спросил он.

– Ни разу! – гордо заявил Илья.

Александр, наконец, посмотрел на меня. Коротко. Сдержанно. Так, будто я была частью пейзажа – деревом или забором. Его серые глаза скользнули по моему лицу и сразу переключились на бабушку.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Добрый, – ответила я.

– Здравствуй, Сашенька, – отозвалась бабушка.

– Как он себя вёл?

Я уже открыла рот, чтобы выдать полный отчёт о сегодняшнем дне, но ответила почему-то бабушка.

– Нормально, – сказала она спокойно.

– Не сильно замучил?

– Да нет, – бабушка махнула рукой. – Варя справилась.

– Спасибо вам, – сказал Александр, глядя на бабушку.

Мне показалось, или меня действительно сейчас не существовало? Я стояла, сложив руки на груди, и чувствовала, как внутри меня закипает странное, глупое возмущение. Я, конечно, не ждала, что он будет кланяться в ноги, но... ну, хоть пару слов. Хотя бы «спасибо, Варя». Хотя бы взгляд.

Бабушка перевела взгляд на меня, потом на Александра. В её глазах мелькнула хитрая искорка, но она промолчала. Мудрая женщина. В отличие от меня.

Александр уже стоял к ней лицом, полностью игнорируя моё существование.

– Зинаида Павловна, я в выходные траву за оградой скошу. И забор поправлю. Совсем перекосялся, – сказал он.

– Так неудобно...

– За Илью, – сказал он.

Он говорил спокойно. По-деловому. Словно рассчитывался за мешок картошки. Словно я была не живым человеком, который весь день заботился о его сыне, а просто услужливым приложением к бабушке.

Очень интересно.

– Поехали, – сказал он, поворачиваясь к сыну.

– Пока, Варя! – крикнул Илья, размахивая рукой. – Ещё увидимся!

– Пока, – сказала я.

Я стояла на крыльце и смотрела им вслед. Александр открыл дверцу, усадил сына, потом сел сам. Его машина чихнула, кашлянула и уехала, оставляя за собой облако пыли и меня в растрёпанных чувствах.

Следующий раз мы встретились через два дня. В школе.

За это время мы обсудили с Мариной проект, который я набросала в специальной программке на телефоне. Женщина была в восторге, поэтому теперь пришло время воплотить проект в жизнь.

Старое кирпичное здание выглядело так, будто пережило несколько эпох и теперь из чистого упрямства не собиралось сдаваться. Стены были выкрашены в бледно-жёлтый цвет, на дверях висела табличка с надписью «Школа №3».

Марина уже всюю командовала. Она носилась по залу с папкой под мышкой и кричала:

– Осторожнее с шарами! Нет, гирлянду выше! – Она улыбнулась, увидев меня. – Я так рада, что вы пришли. Пойдёмте, я вас со всеми познакомлю!

Народу пришло много. Всех возрастов. Было ощущение, что вся деревня пришла поддержать школьное мероприятие.

В зале царил настоящий творческий хаос. На полу лежали коробки с воздушными шарами – разноцветными, уже надутыми и не надутыми. Банки с краской стояли на стульях, листы ватмана валялись на сцене, клубки бечёвки катались по полу, как маленькие пушистые змеи.

Катя-почтальон сидела на корточках и вырезала бумажные ромашки. Пальцы у неё летали, ромашки получались ровными и аккуратными, хотя она резала на глаз, без линейки.

Баба Клава спорила с Мариной, что красный бант красивее синего.

– Красный – это праздник! – кричала баба Клава.

– Синий – это небо! – возражала Марина.

– Девушки, – сказала я, вешая пиджак на спинку стула, – вы обе правы. Давайте сделаем и красный, и синий. И зелёный. И даже жёлтый.

Они посмотрели на меня, потом друг на друга, потом дружно кивнули. Гениальное решение. Я уже начинала понимать, как работают компромиссы в деревне: главное – добавить всех цветов, чтобы никто не обиделся.

Денис пытался починить прожектор молотком. Судя по звуку, прожектор не сопротивлялся.

Я только собралась начать рисовать первую букву, как вдруг за дверью раздался знакомый голос.

– Куда ставить?

Я обернулась.

Александр вошёл в зал с огромной стремянкой на плече и ящиком инструментов. Он выглядел так, будто только что приехал с работы – в джинсах, в серой футболке, с мазутом на рукаве. Волосы чуть влажные, как будто он умылся прямо перед приходом.

Я не ожидала его здесь увидеть, сердце отчего-то забилось быстрее, и на душе стало радостно.

Следом вприпрыжку шёл Илья. В руках он держал какую-то верёвку и сразу начал размахивать ей, едва не задев Катю.

Рядом с ним крутился худенький мальчишка в очках. Он был такой же маленький, но выглядел серьёзным, как профессор. Очки с толстыми стёклами, аккуратный свитер, волосы зализаны.

– Это Сева, – сразу представил друга Илья. – Мы вместе в первый класс!

– Очень приятно, – ответила я.

– Илья, не размахивай верёвкой! – сказал Александр, ставя стремянку у стены.

– Я помогаю! – заявил Илья.

– Ты мешаешь, а обещал не путаться под ногами.

– Пап!

– Илья, – сказал я, присаживаясь перед ним на корточки, – хочешь настоящую работу?

Он тут же замер, его глаза заблестели.

– Какую?

– Будешь держать верёвку. Вот здесь. Чтобы она не путалась.

– Это скучно!

– Это очень важно, – сказала я. – Без тебя мы не сможем повесить облака.

Он посмотрел на облака из бумаги, потом на меня, потом на отца. И торжественно кивнул.

– Я согласен.

Александр поднял на меня взгляд. В нём мелькнуло что-то вроде удивления. Или даже лёгкого уважения.

Через час зал было не узнать.

Глава 10 Варя

Мы натянули вдоль сцены широкие полотна белой ткани. Я стояла на стремянке, придерживая ткань, а Александр закреплял её по краям. Руки у него были быстрые, ловкие. Он работал молча, не отвлекаясь на разговоры, и я поймала себя на том, что смотрю на него слишком часто.

Поверх ткани мы закрепили зелёные и жёлтые ленты, чтобы получились волны. Катя с Мариной собирали из бумажных ромашек целое поле, и оно уже начинало походить на настоящее луговое разнотравье.

На заднике я нарисовала надпись: «Добро пожаловать!» Только не обычными печатными буквами, а словно написанная кистью – с завитками и плавными линиями. Получилось тепло, уютно и очень по-деревенски.

– Красота... – выдохнула Марина.

– Ещё бы свет правильно поставить, – сказал Александр.

Он уже менял лампы под потолком, стоя на верхней ступеньке. Я смотрела, как он поднимает руки, как напрягаются мышцы на спине, и почему-то улыбалась как дурочка.

Потом пришлось вешать бумажные облака. Конечно же, на самой верхней перекладине.

– Нет, – сразу сказала я.

– Что нет? – удивилась Марина.

– Я туда не полезу, – сказала я, глядя вверх.

– Высоты боитесь?

– О, да... – я замолчала, подбирая слова. – Не то слово.

За спиной тихо усмехнулся Александр. Я обернулась.

– Я подержу лестницу, – сказал он. – Подстрахую. – Он уже поставил стремянку. Уперся ладонями в боковины, и я заметила, как напряглись его руки. Пальцы сжали металл, вены проступили на коже. – Если что... Я тебя поймаю.

Я посмотрела на него. Потом на лестницу. Потом снова на него. В его серых глазах плескалось что-то странное — не насмешка, не раздражение. Что-то тёплое и почти заботливое.

Почему-то именно это меня и пугало больше всего. Не высота. Не падение. А то, что он меня поймает. И что я снова окажусь у него на руках. И что это будет слишком хорошо.

Я всё-таки полезла. Медленно. Осторожно. Шаг за шагом. Стараясь не смотреть вниз. Пальцы сжимали перекладины, ноги тряслись, и я чувствовала себя героиней старого фильма.

– Отвечаешь за неё головой, Саня! – сказала Катя. – Мы тогда пойдём крыльцо проверим.

Через минуту мы остались с Александром одни в актовом зале. Даже мальчишки куда-то убежали.

Я дотянулась до перекладины. Закрепила первое облако. Потом второе. Третье. Они покачивались над сценой, лёгкие и воздушные, и на мгновение я почувствовала себя ребёнком.

– Всё? – спросил Александр.

– Почти.

Я потянулась чуть дальше, чтобы закрепить последнее облако. Пальцы дотянулись, всё получилось. Но нога неожиданно соскользнула – лестница качнулась, и я почувствовала, как теряю равновесие.

– Ой!

Я успела только зажмуриться. И снова оказалась в объятиях Александра. Кажется, это уже начинало входить в дурную привычку.

– Держу, – хмыкнул он над моим ухом. – Может просто не отпускать тебя никогда, чтобы ты не попадала в неприятности? – тихо спросил он.

Я открыла глаза.

Он стоял совсем близко. Настолько близко, что я видела маленький шрам возле его виска. И тёмные ресницы. И едва заметную щетину, которая уже начала пробиваться. И глаза – совсем не злые, совсем. Серые, но с тёплым отливом, как сталь после заката.

Он смотрел на мои губы, и я слышала только собственное дыхание и стук своего сердца, сорвавшегося с цепи. Мне показалось, что ещё секунда, и я начну говорить что-то глупое. Или он. Или мы оба.

Или Александр меня поцелует. От этой мысли у меня подкосились ноги, потому что я очень хотела, чтобы поцеловал.

– Дядя Саша!

Мы одновременно вздрогнули. Сева влетел в зал так быстро, что едва не снёс стул. Лицо белое, глаза огромные за стёклами очков. Он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

– Там... – начал он.

– Что случилось? – резко спросил Александр. Он уже поставил меня на ноги, и его лицо стало жёстким.

– Илья... – Сева сглотнул. – Он убежал!

У Александра мгновенно изменилось лицо. Исчезла мягкость, исчезло тепло. Осталась только сталь. Сталь и страх.

– Куда? – спросил он, и голос его звучал тихо, но страшно.

Сева едва сдерживал слёзы. Очки запотели, и он снял их, протерев рукавом.

– Он... он маму искать пошёл...

В зале наступила такая тишина, что я слышала, как где-то под потолком гудит лампа.

– Что ты сказал? – очень тихо спросил Александр.

Сева испуганно сглотнул. Его плечи дрожали, голос срывался.

– Это я виноват. Простите. Я... я сказал ему, что мама у него умерла... – У Александра побелели губы. Я видела, как он сжал кулаки, как в его глазах мелькнула боль, острая, как нож. – Он не поверил... – Сева уже плакал. – Сказал, что я вру... что она просто далеко... и... и пошёл её искать... в лес! Он сказал, что она там! Скорее! Пока он далеко не убежал и не потерялся!

Я почувствовала, как внутри всё оборвалось. Сердце ухнуло в пятки, и я перестала дышать.

Нет. Только не это. Не сейчас.

Александр уже бежал к двери.

– Илья!

Его голос эхом ударился о стены пустой школы. Я бросилась за ним, забыв про всё на свете. Забыв про бумажные облака, про ромашки, про собственный страх. Внутри билась только одна мысль: он один. Маленький, белобрысый, веснушчатый мальчик, который пошёл искать маму в лес.

Я выбежала из школы следом за Александром.

– Саша! – крикнула я. – Подожди!

Он не остановился, но я продолжила бежать за ним, потому что не могла оставаться в стороне или сидеть в неведении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.